

Н А Т А Л Ь Я

АНДРЕЕВА

МЫ ПОЁМ
ГЛУХИМ

СТО СОЛНЦ В КАПЛЕ СВЕТА

Наталья Вячеславовна Андреева
Мы поем глухим
Серия «Сто солнц в капле света», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6886567
Мы поем глухим: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083091-6

Аннотация

Париж — законодатель моды и стиля. Бурная светская жизнь, интриги и дух свободы, который вот-вот превратится в Великую Французскую революцию. В нем сложно оказаться незаметной даже если ты прячешься под черным платьем вдовы.

Александра приехала сюда, чтобы найти любимого человека. Ее сердце занято только им, этим женатым мужчиной, дуэлянтом, любимцем женщин и игроком! Но сердцу ведь не прикажешь!

Кажется все ангелы наконец-то собрались, чтобы помочь этой красивой несчастной женщине: в нее влюбился самый богатый и знатный мужчина, она держит самый модный салон, и наконец-то находит своего любимого. Но в очередной раз в ее судьбу вмешивается проклятье камня «Сто солнц в капле света».

А может быть это всего лишь предрассудки, и каждый идет к своему счастью тем путем, который выбрал сам?!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталья Андреева

Мы поем глухим

Роман

*Canimus surdis*¹

Глава 1

Париж

Эта осень в Париже выдалась такой холодной и дождливой, что главное событие сезона осталось незамеченным. Спустя некоторое время всем стало понятно, с какого именно момента скука, царящая в великосветских салонах, сменилась ожиданием, а потом нетерпением. Что-то должно было случиться, что-то из ряда вон, как говорится, *за рамками приличия*.

Но в тот дождливый пасмурный день Париж еще не знал, что становится театром, на подмостках которого разыгрывается очередная драма в духе Уильяма Шекспира, распаляющая фантазию и разжигающая воображение. Драма, о которой долго еще будут вспоминать, смакуя скандальные подробности и обсуждая неожиданные поступки главных ее героев.

Сезон начался раньше обычного, уже в середине октября намерзшаяся и вымокшая под непрерывными ливнями парижская знать потянулась на зимние квартиры — согреться телом и душой. Поскольку вернуться в столицу раньше ноября считалось дурным тоном, все сделали вид, что их просто-напросто здесь нет. И принимали исключительно людей своего круга, и то лишь самых близких друзей и родственников, которые также томились скукой в ожидании театральных премьер и зимних балов. Официального открытия у сезона не было, так что, в целом, все было вполне пристойно.

В тот октябрьский вечер, с которого все и началось, к особняку на улице Кассет подъехала карета, из которой вышла дама в трауре, закутанная с ног до головы так, чтобы никто не смог разглядеть ни ее лица, ни приятные округлости фигуры. Было совершенно непонятно, хороша она или дурна, молода или, напротив, преклонного возраста? Ясно было одно: дама эта принадлежит к высшему обществу. Как бы ни старался человек скрыть положение, которое он занимает, есть вещи, которые неизменно его выдают. Привычка к светской жизни на все накладывает отпечаток, избавиться от этого невозможно и забыть, кем ты был когда-то, невозможно тоже. Воспоминания — это либо ангелы, либо демоны, которые сопровождают душу до самой смерти, лишая ее покоя.

Дама из высшего света, вращавшаяся в нем когда-то и имевшая успех, приобретает некую особую манеру держаться в обществе, даже если это общество состоит лишь из ее кучера и камеристки. Движения этой дамы безукоризненны, спина остается прямой при любых обстоятельствах, тон, которым она говорит, всегда ровный, а в одежде нет ни единой небрежной детали. Даже веер, который она держит в руке, живет светской жизнью, общаясь на равных только с флаконом духов, который висит на тончайшей цепочке на браслете у дамы и тоже прекрасно осознает свое особое положение. Ведь и веер, и флакон становятся предметом вожделения мужчин, жадно следящих за ними в надежде угадать истинные чувства их владелицы. Ибо, когда тон не меняется даже в моменты чрезвычайного волнения, особым красноречием обладают жесты.

И никто ни при каких обстоятельствах не посмеет заговорить с такой дамой, как, скажем, разговаривают с гризеткой. Даже грабитель, остановив такую даму в месте, где она не должна была бы появляться, почтительно снимет шляпу и деликатно попросит отдать ему кошелек.

Опираясь на руку своего кучера, дама вышла из кареты и, не говоря ни единого слова, скрылась в дверях мрачного дома. Но лакей, случайно подошедший в тот момент к окну, удивленно присвистнул:

— Ого!

Дело в том, что этот дом, довольно большой, делился на два крыла. Оба помещения были абсолютно обособлены, левое крыло занимал испанский дипломат, человек угрюмый и замкнутый. Остряки говорили, что он и спать ложится в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, и непременно с орденом Почетного легиона на шее, пожалованным ему Луи-Филиппом за особые заслуги перед Францией. Король обожал устраивать браки своих родственников, в особенности испанские браки, за что его в конце концов все возненавидели. Но зато испанский дипломат был при дворе на особом счету и даже во сне опасался забыть об этом и принять неподобающее выражение лица.

Вот со второго этажа левого крыла смазливый молодой лакей, нанятый недавно на службу к важному испанцу, и заметил, что правое крыло тоже не будет отныне пустовать. Молодой человек, который, вследствие своего возраста и приятной наружности, не мог пропустить ни одной юбки, попытался было разглядеть подробности, но тщетно. Двор был мрачный и весь зарос вековыми деревьями, которые давали огромную тень. Лучшее убежище трудно было придумать, если кто-то хотел сохранить свое инкогнито.

Лакей отчего-то разволновался и долго еще стоял, словно пытаясь выдавить лбом стекло и взглядываясь в сумерки. Пока ему справедливо не указали на то, что он нанят отнюдь не бездельничать.

В это время в окнах второго этажа другого крыла зажегся свет. Дама устала с дороги и пожелала лечь спать. Перед сном она долго лежала, не смыкая век и глядя в темное окно, слушала шум дождя. Ничто не напоминало ей о том, что она в блестящем Париже. Мрачная улица, мрачный двор, мрачный сосед, о котором дама навела справки перед тем, как въехать. Все, что подобало ее положению. Изгнание и вдовство. А ведь она была еще так молода!

— Вот тебе и Париж, — грустно сказала графиня Ланина и закрыла глаза.

Она твердо решила вести уединенный образ жизни, простой и скромный, знакомства ни с кем не искать, визитов не делать, прогулки совершать исключительно в вечернее время, уже в сумерках, и ограничиться услугами одной лишь горничной, кухарки и кучера. Никаких излишеств и никакой роскоши. Жить, как подобает иностранке, вдове, имеющей тысячу десять ренты, не больше, и одну лишь карету для выездов, соответственно одну только лошадь в конюшне.

«Грехи надо искупать», — подумала Александра, засыпая.

Буквально через месяц о ней уже говорил весь Париж...

...В фойе Итальянской оперы, как всегда, было не протолкнуться. Давали «Дона Паскуале», этот хоть и спорный, осуждаемый всеми за легкомыслие сюжета, но, безусловно, очередной шедевр маэстро Доницетти. Итальянцы давно и прочно вошли в моду еще при восхитительном Россини, который хоть и не проявил себя как директор театра, но зато написал в Париже «Вильгельма Телля», тем самым доказав, что он истинный парижанин, а национальность по рождению значения не имеет.

После того как Реставрацию сменила Июльская монархия и на французский трон возшел король-гражданин Луи-Филипп, для Итальянской оперы в Париже наступили счастливые времена. Она была в меру легкомысленна, соответственно моменту демократична и

богата на сюрпризы. Чего еще надо публике, ищущей в первую очередь развлечений и жадной до зрелища? Именно у итальянцев подобралась блестящая труппа, поэтому сюда устремились все лучшие композиторы Европы, сказав: «Вена подождет».

Итальянский театр по праву считался самым элегантным, поэтому не бывать там значило прослыть провинциалом, человеком, отставшим от моды и от жизни.

Для парижской знати театр давно уже стал святилищем, для посещения которого, так же как и для визитов в церковь, существовали определенные дни. Так, к итальянцам было принято ходить по вторникам, четвергам и субботам. В воскресенье высшее общество театр игнорировало. Воскресный день в Париже принадлежал черни, она заполняла улицы, забивала кафе на бульварах, до отказа заполняла галерку и даже просачивалась в партер. Предприимчивые дамы из высшего общества, с не столь безупречной репутацией, именно воскресный день сделали приемным, дабы их салоны до отказа заполнялись знатными гостями. Все равно по воскресеньям в театр никто не ездил.

Хорошим тоном считалось иметь у итальянцев ложу, где сидели дамы и делали вид, что слушают оперу. Мужчины же этим не утруждались, они переходили из ложи в ложу, словно пчелы, собирающие мед со всех сколь-нибудь привлекательных цветков. И сами источали медовую лесть, а порою больно жалили, в основном, конечно, своих соперников. Но доставалось и дамам. Предметом обсуждения были их внешность и туалеты. А также любовники.

В тот вечер группа молодых людей задержалась в фойе между первым и вторым действием. Эти господа являлись самыми завидными женихами во Франции, поскольку все они были хорошего рода и богаты. Браки в Париже устраивались в Опере, не в церкви. Где, как не у итальянцев, можно было разузнать, каково на самом деле приданое невесты и есть ли средства у жениха? По тому, кто вхож в ложу, скажем, графини де Боань, можно было с уверенностью сказать, будут ли приняты новобрачные в аристократических салонах Сен-Жерменского предместья, где томятся сторонники изгнанного короля? Или же путь этой супружеской пары лежит напрямик в предместье Сент-Оноре, где теперь селились лишь те, кто поддержал короля нового, которого еще называли королем-гражданином. Между кланами «старых» и «новых» придворных шла непримиримая война, они друг с другом едва раскладывались, и, прежде чем жениться, молодой человек из общества должен был выяснить, каковы политические симпатии родителей его невесты? А для этого стоило поехать к итальянцам.

Но сегодня предметом обсуждения блестящей молодежи было не это. Не политика, не одна из первых красавиц высшего света герцогиня К* и ее гости. И даже не ее новый любовник, поскольку старого она недавно бросила. Речь шла о даме, которая вот уже месяц являлась главной загадкой Парижа.

— Сегодня вторник, — констатировали молодые люди, собравшись в фойе. — Она появляется здесь по вторникам и субботам, и никогда по четвергам. И еще ни разу ее не видели на Елисейских Полях, на прогулке. Хотя, быть может, она предпочитает Венсенский лес? Надо подкупить ее кучера.

— Я, пожалуй, спущусь в партер, — взволнованно сказал белокурый маркиз де Р*. — Она сидит в ложе бенуара, достаточно глубокой, чтобы там спрятаться. Я пытался разглядеть ее из бельэтажа, со второго яруса, но тщетно. Хотя у меня в руке был бинокль. Но он не может передать все очарование красоты этой таинственной незнакомки.

— И не поможет с ней заговорить, — подхватил молодой герцог Б*. — Но другого средства определить, кто она такая, увы, нет. Только как пытаться разглядеть ее в бинокль. Это, безусловно, дама из высшего общества, так почему она нигде не бывает? А главное: почему прячется?

— Я разглядел только роскошные волосы медового цвета и восхитительные плечи, — возбужденно сказал маркиз. — Она, определенно, иностранка. В Париже нет таких красок, это, скорее, краски Севера. Но для северянки тон ее кожи слишком теплый. Эта дама похожа на солнце, которое восходит поутру из пены облаков. Оно не опалает, но ласкает. Мне бы хотелось разглядеть ее во всех подробностях.

— Берегитесь, Анри! — рассмеялся герцог, который, в отличие от приятеля, уже был помолвлен. — Вы, похоже, успели влюбиться, причем в облако, окутывающее мраморную статую. А вдруг на ней трещины? Вдруг она прячет в глубине ложи свои бородавки?

— Я сейчас это проверю! Господа, я иду в партер!

Ложа бенуара, в которой сидела таинственная незнакомка, располагалась в самом низу, даже ниже, чем партер. Дама, похоже, увлеклась происходящим на сцене, поэтому облокотилась на барьер и подалась вперед, слушая восхитительный квартет: «*Voglio, per vostra regola!*»². Дон Паскуале собрался жениться, и только что был подписан брачный договор. Старик еще не знал, что это не более чем шутка и договор фальшивый. Его убеждали племянник Эрнесто, его любовница Норина и друг Малатеста. Этот квартет так заинтересовал таинственную даму, что она выдвинулась из глубины своей ложи, облокотилась на барьер и дала маркизу себя рассмотреть.

Они встретились взглядами, и маркиз учтиво поклонился. Дама вынуждена была ответить. Между вторым и третьим действием взволнованный маркиз сообщил приятелям о своем открытии:

— Инкогнито белокурой дамы раскрыто, господа! Она действительно иностранка, русская графиня Ланина. Я был представлен ей года три назад, в сезон рождественских балов. Тогда она еще не была в трауре, а ее муж, как все говорили, был сказочно богат.

— Выходит, она богатая вдова?

— Богатые вдовы, Поль, ведут себя иначе. Но скоро я все разузнаю. Графиня мне кивнула, давая понять, что узнает меня. Следовательно, я могу с ней заговорить.

— Вы пойдете к ней в ложу без приглашения?!

— Нет, но я могу подойти к графине в фойе. И попытаться возобновить знакомство.

— Если вы сумеете стать ее любовником, Анри, вам будет завидовать весь Париж! Обещайте, что с полудня графиня будет принимать ваших друзей в своем будуаре, ее красота вполне ей это позволяет, что вы устроите блестящий салон, и мы наконец собьем спесь с этой невыносимой мадам де Боань! Лучшие острооты мы будем приберегать для русской красавицы и ездить к ней чаще, чем к другим. Графиня де Боань в конце концов останется в гордом одиночестве.

— Поль! Вы помолвлены с ее племянницей!

— Да, но это не обязывает меня пять раз в неделю выслушивать колкости, которыми графиня осыпает своих мнимых врагов! По-моему, она ищет интригу там, где ее нет, я боюсь, как бы она и мой брак не расстроила!

— Да уж, характер у мадам де Боань стал невыносимый с тех пор, как жители Сен-Жерменского предместья перестали бывать при дворе! Она возненавидела всех, кто имеет влияние на нового короля и на политику!

Сойдясь во мнениях насчет характера графини де Боань, молодые люди наконец разошлись. Герцог Б* отправился в ложу к своей невесте, а маркиз де Р* в засаду, поджидать, когда графиня Ланина покинет свое убежище и появится в фойе. Ждать ему пришлось недолго. Видимо, счастливый финал графиню не интересовал. В половине десятого она, так и не дослушав оперу до конца, выскользнула из бенуара и попыталась незамеченной пробраться к выходу. Но маркиз был начеку.

² К вашему сведению, я требую!

— Мадам, я вижу, вы меня узнали, — как можно учтивее поклонился он, боясь спугнуть такую пленительную дичь. Маркиз уже начал охоту.

— Прошу простить мне мою спешку, сударь, но меня с утра мучает мигрень. — Александре не терпелось от него избавиться, она уже жалела, что ответила на поклон, признав, таким образом, их знакомство.

— Я вижу вы в трауре.

— Да, я теперь вдова. Поэтому веду уединенный образ жизни.

— Но при вашем состоянии и вашей красоте это можно счесть неприличным.

— У меня больше нет состояния, — грустно улыбнулась Александра. — Я изгнанница.

— Тогда тем более, мадам! — с энтузиазмом подхватил маркиз. — Вам не стоит прятаться! Хотите, я опять введу вас в лучшие парижские салоны? Там вы без труда составите блестящую партию. Вас подзабыли за те годы, что вы здесь отсутствовали, но быстро вспомнят, я в этом уверен.

— Благодарю, но замужество меня не интересует, — довольно сухо сказала графиня. — Вам не кажется, что наш разговор вышел за рамки приличия? Я вынуждена вас оставить...

— Но хоть чем-то я могу вам помочь, мадам? — жалобно воскликнул маркиз, чувствуя, как дичь ускользает. И судьба над ним сжалась.

— У меня и в самом деле есть небольшое затруднение, — вдруг улыбнулась графиня. — И вы первое знакомое лицо, которое я увидела в Париже, к тому же вы со мной заговорили. Пожалуй, я доверю свое дело вам. О нет, оно не касается финансов! Я ищу одного своего родственника, но не знаю, как приступить к этому делу. К кому обратиться? Я плохо знаю местные нравы и боюсь совершить ошибку. Мне вовсе не хочется, чтобы меня отсюда выслали, потому что мне больше некуда податься. Что вы мне посоветуете?

— Ни полиция уголовная, ни полиция политическая вам здесь не помогут, мадам. Административные лица слишком дорожат своим местом. К тому же вы иностранка. Вот если бы речь шла о покушении или о крупной краже... — При этих словах графиня Ланина еле заметно вздрогнула. — Тогда вся парижская полиция была бы к вашим услугам. Главное их занятие — это разоблачать заговоры. На нашего короля уже было совершено два покушения, причем в последний раз пуля пролетела буквально в сантиметре от головы монарха. За это дело полиция ухватится тут же, чтобы предотвратить какую-нибудь очередную *революцию*. Но частное дело, такое, как поиск родственника... — маркиз с сомнением покачал головой. — Нет, за это не возьмется никто. Вас вряд ли выслушают до конца, если вдруг вы вздумаете поехать со своим делом в префектуру.

— Но что же мне делать? — погрузилась Александра.

— К счастью, я близко знаком с министром, мы с ним в родстве, хоть и дальнем, а министр может надавить на префекта. Есть тайные агенты, которые отошли от дел, но не прекратили свою деятельность.

— Как это понимать?

— После переворота многие, кто процветал при Карле X, остались не у дел. Иначе говоря, вышли в официальную отставку. Но их ценность для государства не вызывает сомнения. На службе они больше не состоят, но занимаются сбором информации.

— А! Так это шпионы! — сообразила Александра.

— За деньги они душу дьяволу готовы продать, поскольку вечно нуждаются в средствах.

— Что ж... Я готова заплатить. Видите ли, маркиз, мое дело связано с наследством... И я надеюсь не только вернуть эти деньги, но и поправить свое положение. Поэтому в обещаниях не стесняйтесь.

— Понимаю. Я уверен, вам можно помочь, — внимательно посмотрел молодой человек на свою собеседницу. — Вы найдете того, кого ищете, — со значением сказал он. — Через три дня я дам вам ответ. Где я могу вас встретить?

— Я обычно гуляю в Булонском лесу с девяти вечера, либо с десяти, если еду в этот день в театр, и дышу свежим воздухом почти до полуночи. С некоторых пор я люблю одиночество, поэтому и не езжу туда днем.

— Хорошо, — кивнул маркиз. — Встретимся там, и я сообщу вам, что мне удалось сделать.

— Я вам так благодарна! — графиня наконец улыбнулась, уже без печали, как человек, который получил надежду.

Маркиз тоже просиял. Дичь не дала себя подстрелить, но и не спряталась в лесу. У молодого человека тоже появилась надежда. Надежда на то, что знакомство с прекрасной графиней станет более близким. В самом деле, лакомый кусочек, молода, красива, да к тому же вдова. Богатый старый муж больше не будет никому мешать. Маркиз прекрасно помнил это пугало: весь вид графа Ланина не оставлял сомнений в том, что он не просто ревнивец, каких много. Влюбленный по уши в свою молодую жену, он все готов был сделать для ее счастья, кроме того, чтобы сделать ее по-настоящему счастливой. Позволить ей любить того, кого она хочет. Но, видимо, граф понял свою ошибку, потому что очень вовремя умер. Его вдова сейчас в том возрасте, в котором женщина обладает особым очарованием. Она еще молода, увядание пока ее не коснулось, зато ее красота приобрела ту зрелость, можно даже сказать, искушенность, которая сводит мужчин с ума. Она чувственна, но не вульгарна, торжествующая, но не вызывающая. Она поистине царственная, эта ее красота.

Поэтому маркиз поспешил воспользоваться случаем. Уже на следующий день он имел беседу с министром о деле прекрасной русской графини.

Александра впервые за этот месяц быстро заснула и крепко спала до самого утра. Она и впрямь не знала, к кому обратиться. С чего начать поиски Сержа?

Все лето она провела на водах, сначала в немецком Бадене, потом во французском Дьеппе, в надежде встретиться там с Соболинским. Столица Франции летом совершенно пустела, в ней оставались только пролетарии да любопытные провинциалы, которые совсем не понимали Парижа. Приехав туда летом, они думали, что вот это и есть Париж, и испытывали при этом страшное разочарование.

Для светского же молодого человека показаться в столице летом было недопустимо. Даже если у него не было денег, чтобы уехать на воды, он предпочитал прятаться ото всех, выходить из дома только в темноте и, случайно столкнувшись с кем-нибудь из знакомых, делать вид, что его с кем-то спутали.

Искать в Париже Сержа в это время года было бессмысленно, поэтому Александра и отправилась в самое модное место: в Баден. Там она узнала, что с некоторых пор сначала жители аристократического Сен-Жерменского предместья, а потом и аристократия финансовая с Шоссе д'Антенн предпочитают ездить на воды в Дьепп. Серж ведь был игрок; оставшись без средств, он наверняка решил разжиться деньгами за карточным столом. А где, как не в Дьеппе, летом шла самая крупная игра?

Приехав туда, графиня Ланина испытала страшное разочарование. Сколько ни ходила она по берегу, высматривая Сержа среди купающихся в панталонах до щиколотки и фуфайках с короткими рукавами мужчин, но все ж это были не те руки и не те щиколотки, которые она искала. В Дьеппе, в отличие от чопорного Бадена, было оживленно и весело. При отливе блестящие молодые люди устраивали скачки прямо на пляже, а выйдя из воды, эти изнеженные аристократы поспешно кутались в дорогие халаты и надевали на голову колпаки.

Александра невольно улыбалась, вспоминая свою родину. Поистине эти французы понятия не имеют, что такое холод! Сама она охотно купалась, а после этого просто подставляла лицо и руки жаркому летнему солнцу, от которого ее кожа приобретала золотистый оттенок. Поскольку бывать в свете Александра не собиралась, она могла не стесняться загара. Зато солнце ее оживило, помогло справиться с грустью, которая одолевала графиню с тех пор, как она стала вдовой.

Потом она сообразила, что привлекает всеобщее внимание. Особенно пристально наблюдали за ней все эти мужчины в колпаках и халатах. Но, к счастью, их внимание отвлекла дама еще более экзотическая: похожая на ворону черноволосая и смуглая испанка, которая купалась в шубе, да еще в придачу к ней — в меховой муфте!

Разочаровавшись в Дьеппе, графиня Ланина покинула его в начале сентября. Потом ее путь лежал в Италию, уже без всякой надежды встретить там Сержа. Она поехала в Венецию, оттуда во Флоренцию, нигде подолгу не задерживаясь. И наконец, в середине осени, Александра облюбовала для дальнейшей своей жизни Париж. Дом был выбран наугад, главным условием выступало полное уединение. Но потом Александра сообразила: «Так я его никогда не найду».

Соболинский как в воду канул. «Жив ли он? — волновалась она. — А может, угодил в долговую тюрьму?» Она чувствовала свою вину за то, что разбила жизнь обоим — и мужу, и любовнику, которого искренне считала своей второй половинкой. Теперь Алексей Николаевич мертв, Серж — бог знает где, а ее гложет тоска.

Оставалось только прибегнуть к услугам полиции, но, как выяснилось, им было не до этого. Александра вовсе не собиралась близко сходить с маркизом, она уже угадала его намерения. Но он был ей нужен, потому что поиски Сержа Соболинского зашли в тупик. Александра мало знала о жизни во Франции, где пребывала когда-то, старательно опекаемая мужем, который был намного ее старше, побаивалась Парижа, она была иностранка в чужой, малознакомой стране, теперь уже совсем одна, и оставалось надеяться на случайную встречу. Но сколько придется ждать? Быть может, всю жизнь? Ведь Сержа уже могло не быть в живых. Александра должна была знать это наверняка.

Поэтому через три дня она в волнении прогуливалась в Булонском лесу, ожидая маркиза де Р*. Уже было темно, но Александра только радовалась этому. Ей не хотелось, чтобы на нее обращали внимание. Наконец она услышала, как подъехала карета.

Маркиз пересел к ней в экипаж, теперь она чувствовала его дыхание, ощущала запах, исходящий от его одежды. Маркиз был само воплощение парижского *стиля*, выросший в свете, вращающийся в самых аристократических салонах, этот молодой человек усвоил привычку говорить, не смущаясь, на самые пикантные темы и при этом не опускаться до пошлости.

Без сомнения, он воспринял эту встречу как любовное свидание, и теперь Александра гадала, как дать ему понять, что романы ее не интересуют? Маркиз был приятным молодым человеком, с безупречными манерами и, видно, со средствами. В ожидании подходящей партии он заводил себе любовниц из замужних дам, выбирая самых красивых. С такой внешностью и с такой родословной он вполне мог себе это позволить. Александру слегка разозлила его самоуверенность.

— Я говорил с министром о вашем деле, графиня, — весело сказал маркиз. — А сегодня я имел беседу с префектом. Весьма краткую, потому что мне не о чем говорить с чиновниками, но ради вас... — он сделал многозначительную паузу. Александра молчала. — Так вот: вам приискали подходящего человека. Будьте завтра в семь вечера на Елисейских Полях. Сначала сверните на улицу Мариньи, потом последуйте на авеню Габриэль. Оставьте экипаж и двигайтесь по ней пешком, пока вас не окликнут.

— Боже, какая таинственность! — усмехнулась Александра. — Да кто он, этот ваш... сыщик?

— Префект сказал, что на него можно целиком и полностью положиться, мадам. А этот *полицейский* хорошо знает свою агентуру.

— Я вам так благодарна, маркиз... — она почувствовала, как он приблизился.

— Как долго вы собираетесь пробыть в Париже? — услышала она вкрадчивое.

— Пока не найду своего... родственника.

— Но поиски могут затянуться.

— Возможно.

— Доверьтесь мне, мадам. Я вижу, у вас какая-то тайна.

— Мы не настолько близки.

— Но я могу рассчитывать на сближение?

Она заколебалась. Оттолкнуть его? Это было бы невежливо. Ведь он ей помог. Пусть из своих, корыстных, целей, но без него она оказалась бы в тупике. Лишать его надежда было бы нечестно. И потом: они могут быть друзьями.

— Я отвыкла от Парижа, потому что давно уже здесь не была. Много, должно быть, изменилось так же, как изменилась мода. Что теперь здесь принято, а что нет? — с улыбкой спросила она.

— Париж! — маркиз откинулся на спинку сиденья и тихо рассмеялся. — О, Париж! Если здешняя дама заботится о приличиях, она рискует прослыть синим чулком. Когда она принимает гостей в своем салоне, ее мужу там появляться неприлично. Это могут себе позволить только какие-нибудь *буржуа*, выставляя напоказ супружеские чувства. Муж этой знатной дамы в это же время отпускает остроты по поводу гостей своей жены в другом салоне. Главное, чтобы супруги принадлежали к одной партии и жили бы в месте, которое ясно указывает на принадлежность к этой партии. Так, если вы ортодоксальная роялистка, сторонница изгнанного короля, не вздумайте селиться на Шоссе д'Антенн, вас там не поймут. Я вам больше скажу: если молодой человек с Шоссе д'Антенн со своими модными словечками и безапелляционными суждениями нагрянет к родителям своей невесты в чопорный квартал Марэ, он рискует в итоге остаться без невесты.

— Значит, если я не желаю иметь любовника, мне стоит навсегда поселиться в Марэ? — намекнула она.

— Мадам, вы разбиваете мне сердце! В Марэ не живут, там себя хоронят! Но вам-то зачем это надо? Вам, с вашей ослепительной красотой, такой молодой и полной жизни! Да вы и есть сама жизнь!

— А если я скажу, что разочаровалась в любви?

— А кто из нас в ней не разочаровался? Посмотрите на меня. Перед вами сидит самый разочарованный на всем белом свете человек! — весело сказал маркиз. — Причем разочарованный абсолютно во всем. Уверяю вас, объединив оба наших разочарования, мы станем самыми модными в Париже людьми, потому что здесь не принято быть счастливыми. Счастье здесь все прячут, мадам, в то время как разочарование выставляют напоказ. А вы интригуете всех: вы прячете свое разочарование. Да с этим надо блистать! Я теперь понимаю, почему о вас уже говорит весь Париж! Париж чувствует кровь, как стая гончих чувствует дикого зверя, которого собирается затравить. Париж уже идет по вашему следу. Вы можете спастись от него, только лишь став счастливой. И тогда вас оставят в покое.

— Вы меня заинтриговали, сударь. До сих пор я была уверена, что поступаю правильно, делая все для того, чтобы остаться незамеченной. Оказалось, напротив.

— Вам нужен наставник и советчик. Раз вы теперь вдова, — вкрадчиво сказал маркиз. — Не гоните меня. Я вас не тороплю. Но, прежде чем сменить квартиру, посоветуйтесь со мной. Париж — это галактика, у которой нет центра. Здесь есть пять-шесть сотен чело-

век, которые решают все. Общественное мнение составляется в салонах, мадам. А салон — это женщина. Имя и адрес. Вы не можете долго скрываться. Вам придется открыть двери своего дома либо уехать.

— Но пока я не определилась, чью сторону мне принять, прошу вас не афишировать наше знакомство. Никому не говорите, что мы виделись. Возможно, скоро я приму вас вполне официально у себя дома. Если найду средств на то, чтобы устраивать приемы.

— Так делайте долги! Все живут в долг, а под вашу красоту вам охотно ссудят любую сумму. Это все равно что поместить деньги в самый надежный банк. Одно ваше слово — и важная сделка будет заключена. Назначение, которого какой-нибудь мелкий дворянин так долго добивался, случится в одну секунду. Решение судейского будет принято в пользу того, на кого вы укажете. Все эти маленькие услуги стоят больших денег, мадам. В Париже можно прожить и без них, если иметь полезные знакомства. Но я вижу, что утомил вас. Спешу откланяться. Я буду каждый день, по возможности, прогуливаться здесь в надежде вас застать. Смею думать, что я заслужил это право.

Маркиз легко соскочил с подножки и подозвал свой экипаж.

— На улицу Тетбу! — велел он кучеру. — К мадемуазель Бокаж!

«И что же мне делать? — грустно подумала Александра. — Мне придется найти себе покровителя, чтобы остальные не докучали. Женщина без мужчины — это пища для сплетен. Дама из высшего общества непременно должна иметь официального любовника, иначе ей припишут множество тайных. И будет только хуже. Начнут задумываться: а зачем она здесь? просто живет? Но это можно делать и в провинции. А если человек приехал в Париж, значит, у него есть дело. Мое дело не требует огласки. И мне надо подумать, как это устроить».

Глава 2

Загадочный агент, которого порекомендовал ей сам префект, Александру заинтриговал. Все было обставлено с такой тайной, будто сам король инкогнито решил помочь прелестной русской графине в ее поисках.

Как и было указано, Александра оставила экипаж на углу улицы Мариньи и Габриэль и, не спеша, пошла дальше пешком, делая вид, что наслаждается прогулкой. Дождь наконец прекратился, в воздухе пахло той самой гнилой осенней сыростью, которая напоминает о скором приходе зимы, когда листва уже опала с деревьев и облепила тротуары, словно обрывки оберточной бумаги. А само содержание коробки оказалось весьма неприглядным. Но хотя бы не было дождя.

— Видимо, мадам, я дожидаюсь вас, — услышала графиня Ланина простуженный бас.

Она обернулась и увидела толстяка в поношенном зеленом фраке, в нелепейших панталонах из плотного полосатого шелка и чулках неопределенного цвета. Вид у рекомендованного графине агента был затрапезный, казалось, что все детали своего наряда он выдергивал наугад из кучи тряпья, приготовленного на выброс каким-нибудь внезапно разбогатевшим буржуа. На этого толстяка Александра подумала бы в последнюю очередь, что он сыщик. Лицо его формой напоминало грушу, что придавало ему необычайное сходство с королем Луи-Филиппом, на которого парижские газетчики, несмотря на преследования властей, беспрестанно рисовали злые карикатуры. Особо на этом лице выделялся нос, длинный, но в своем окончании похожий на картофелину. К тому же он был красным, этот огромный нос. На голове у толстяка красовалась смешная круглая шляпа. В конце концов взгляд Александры уперся в объемный живот. Она почувствовала глухое раздражение. Перед ней был фат, да что там фат! Настоящее чудище!

— Разрешите отрекомендоваться, — почтительно поклонился толстяк, коснувшись двумя пальцами уродливой шляпы. — Месье Дидон. Базиль Дидон. Для своих я папаша Базиль.

Александра чуть не расхохоталась. Трудно было представить фамилию, которая более подходила бы ему! Дидон в переводе с французского означало индюк. А имя Базиль имело толкование «король». Король Индюк! Если не принимать во внимание, что у французского существительного *dindon* имеется и другое значение: глупец, дурак.

— Вы уверены, что ищете именно меня? — сердито спросила графиня.

— Это вы ищете меня. И смею сказать, вам повезло, что у меня появилось свободное времячко, чтобы заняться вашим делом! Ведь вы ищете мужчину. Обманывая при этом других мужчин и говоря им, что ищете родственника. Дельце тонкое и, как я понимаю, хе-хе, чрезвычайно деликатное, — хитро посмотрел на нее папаша Базиль.

— Откуда вы знаете, кого именно я ищу?! — потрясенно спросила Александра.

— Молодая красивая женщина из высшего общества ведет уединенный образ жизни, говоря всем, что стеснена в средствах. В то же время на ней бриллианты, равные которым вряд ли сыщешь во всем Париже. И они, эти бриллианты, не в ломбарде, а у нее, простите, на нежной шейке. А еще «нуждающаяся» снимает литературную ложу у Итальянцев, причем в бенеуаре. А еще...

— Довольно... Я вижу, вы человек наблюдательный.

«По крайней мере, дураком его не назовешь, — подумала Александра. — Уже хорошо».

— Так вы меня нанимаете?

— Да. Выбора у меня нет, так что... — она тяжело вздохнула.

— Не сомневайтесь, мадам, мне вы смело можете доверить все свои секреты! Папаша Базиль — это могила! Уж сколько дамских тайн похоронено вот здесь, — и месье Дидон ткнул пальцем в грязный жилет, видимо, подразумевая при этом свое сердце.

— Мне здесь изложить свое дело или... — она обвела взглядом почти что пустынную улицу.

— Местечко подходящее, да не совсем. Тем более отныне мы с вами будем видеться часто. Мне же надо докладывать вам как можно чаще о результатах своих поисков. Это вас успокоит, мадам.

— Да с чего вы взяли, что я волнуюсь?!

— Вы не просто волнуетесь, мадам, вы в нетерпении. Видать, этот *щеголь* здорово вас зацепил.

— Допустим, что так.

На самом деле у графини была еще одна миссия в Париже, кроме поисков Сержа Соболинского, но она сочла, что говорить об этом с папашей Базилем пока еще рано.

— У вас есть горничная? — спросил тем временем месье Дидон.

— Разумеется. Я привезла ее из России.

— Возьмите еще одну, француженку. У такой красивой дамы, как вы, должен быть с десяток горничных, иначе мужчины вам этого не простят. Они хотят вами любоваться, мадам, поэтому берегите свои нежные ручки. Если вы мне доверяете, я пришлю вам подходящую девушку. Мало того: я сам к вам ее приведу. Давайте объявим всем, что у нее есть дядюшка. Девушка осталась без отца и нуждается в покровительстве. А я пообещал своей покойной сестре блюсти нравственность своей племянницы, — папаша Базиль сделал вид, что смахнул слезу. Александра вынуждена была признать, что он замечательный актер. — Так вот: я часто буду навещать свою крошку. И под этим предлогом заглядывать к вам. Ведь вы живете на улице Кассет?

— Да, пока не подыскала новое жилье. По совету маркиза де Р*.

— А я бы посоветовал вам держаться подальше от маркиза. Наверняка он предложил вам улицу Тетбу. А вы возьмите да и поселитесь в Сент-Оноре. Это местечко, где селятся либералы, в свое время немало поживившиеся со стола Буонапарта, да еще иностранцы, всякие там послы и их любовницы. И ваш замухрышка маркиз носа не посмеет показать у вас в салоне. Потому что его предков благородных кровей почти что всех гильотинировали вместе с королем во время Первой Республики, а Буонапарта они, эти зазнайки Р*, считают узурпатором. И будут считать, пока всех их не перережут, как курят.

— Спасибо за совет, — улыбнулась Александра. — Похоже, и моя нравственность беспокоит вас не меньше, чем нравственность вашей племянницы. Так я жду вас завтра?

— Я ж говорил, что вам, мадам, не терпится, — проворчал папаша Базиль. — Ну, так и быть. Приду завтра, — неожиданно грубо сказал он и повернулся к Александре спиной.

Она была шокирована таким нахальством, но быстро остыла. У каждого светского человека, широко открывающего двери своего дома для высокородных гостей и гордящегося своей собственной родословной, есть тайна, которую он прячет в задних комнатах или вообще в пыльном чулане. И для того, чтобы улаживать свои темные делишки, ему, этому светскому человеку, нужен такой вот папаша Базиль. Который быстренько договорится с ростовщиком об отсрочке долга, состряпает поддельный вексель или раздобудет *подставное лицо*, на которое можно спихнуть хоть все семь смертных грехов. А тот, кто его нанял, останется в белых перчатках.

«Я-то чем лучше? — горько улыбнулась она, садясь в карету. — Я ищу мужчину, который меня бросил. Сбежал, и бог знает где он теперь? С кем?...»

На следующий день, около полудня, папаша Базиль привел на улицу Кассет просто и скромно одетую девушку. Александра еще раз убедилась в том, что месье Дидон блестящий актер. На этот раз он оделся, как какой-нибудь канцелярский, в строгий темный сюртук, застегнутый на все пуговицы и унылые брюки, да и выражение лица у г-на Дидона было соответствующее: брезгливое и чопорное.

— Не думаю, Тереза, что нам это подойдет, — проворчал он, оглядывая выдержанную в темных тонах гостиную графини Ланиной и задержав свой взгляд на хозяйке. — Дамочка уж больно хороша, наверняка здесь будут крутиться все эти щеголи с Шоссе д'Антенн. А эти не пропустят ни одной юбки.

— Не беспокойтесь, месье, я присмотрю за вашей племянницей, — невольно улыбнулась Александра. — Работы много, так что скучать ей не придется.

— Терезе надобно приданое, жених-то уже есть. Запомните, мадам, она *порядочная девушка*.

«Кто же она на самом деле? — гадала Александра, разглядывая Терезу, упорно не поднимающую глаз на свою новую хозяйку. — Очень хорошенькая, хотя и хочет казаться простушкой».

У девицы был острый носик, весьма пикантный, миндалевидные карие глаза, рыжеватые волосы, и вообще ее лукавое личико напоминало мордочку лисички. На вид ей было лет двадцать или чуть больше. Вдруг Тереза подняла глаза, и графиня едва не рассмеялась. Похоже, девица уже побывала «замужем», и не раз. Та еще плутовка!

— Я ее беру! — весело сказала Александра.

— Ступай, Тереза, мы с госпожой графиней покамест обговорим твое жалованье, — велел папаша Базиль, и девица тут же исчезла.

— Кто она? — с улыбкой спросила Александра.

— Не беспокойтесь, мадам, девица обязана мне по гроб жизни, я вытащил ее из такой глубокой и грязной канавы, что обратно туда она вряд ли захочет. Если я велю ей лизать ваши ботинки, она так и сделает.

— Что ж... Итак, я могу изложить свое дело? — Александра села на козетку и расправила юбки.

Папаша Базиль устроился напротив, на стуле, и милостиво кивнул: говорите.

— Вы правы: я ищу мужчину. Это молодой человек лет тридцати с весьма примечательной наружностью. Он красавец, брюнет, глаза у него синие, фигура безупречная. Манеры самые аристократические.

— Держу пари, мадам, по нему не только вы сходите с ума, — проворчал месье Дидон.

— Вы правы: он любимец женщин, всех без исключения, начиная от великосветских дам и кончая куртизанками.

— Вам-то он на кой сдался? — грубо спросил папаша Базиль.

— Я люблю его, — просто сказала Александра. — Я люблю его давно, еще со времен моего девчества. Но мы не могли быть вместе.

— Теперь, стало быть, можете.

— И теперь не можем. Потому что он женат.

— Ну так ищите его у жены!

— Его жена осталась в России. А сам он... бог знает где. Но я вас уверяю: жена его тоже ищет. Она очень богатая женщина, он и женился на ней по расчету.

— Стало быть, он себя продал, — удовлетворенно кивнул папаша Базиль. — Что ж, это случается с такими красивыми молодыми людьми. Чем он еще примечателен, кроме стройной фигуры и синих глаз? Каков его характер? Привычки?

— Во-первых, он игрок. Азартен, любит риск, играет всегда по-крупному. Бывает, что и нечист на руку, в случае, если испытывает крайнюю нужду в деньгах. Во-вторых, якшается